

в народном стиле («Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьиных гор» В. В. Измайлова).³

Между тем сельский быт реальных российских помещиков не ограничивался одним только фольклором, и это не могло не найти своего отражения в рассказах. Невинная Юлия играет на клавишине «клопштокову песню» («Евгений и Юлия»), а провинциальный путешественник слышит вдали звуки охотничьих рогов («Обитатель предместия» М. Н. Муравьева).⁴ Но таких случаев немного, и, как правило, в сентиментальной повести чаще идет речь о простонародной музыке.

Городская музыкальная культура (не только сама музыка, но и формы организации музицирования, характерные для городского быта) противопоставляются всему, что ассоциируется с разумной и умеренной жизнью деревенских философов. Это особенно заметно в произведениях, соединяющих в себе городские и сельские эпизоды жизни героев. Часть повести, рассказывающая о падении нравов и угрозе невинности, которую потенциально содержат в себе городские удовольствия, сопровождается такими атрибутами, как концерт и бал, а другая, демонстрирующая неизбежное в деревенской простоте и тени дубрав торжество моральных устоев, иллюстрируется «шумом реки и леса», «журчанием» ручейка, «веселием летающих птичек» («Юлия» Н. М. Карамзина).⁵ Правда, именно в этой повести народная музыка не упоминается, но в прочих фольклорные элементы музыкального искусства включаются в аналогичное пейзажное обрамление. Интересно, что персонажи, которых их создатели наделяют поэтическим даром, рассуждая о своем творчестве, предпочитают не именовать его «лирой», что, по их мнению, с одной стороны, несколько нескромно, а с другой — ближе общекультурным и, следовательно, городским традициям. Более точная характеристика поэтического вдохновения деревенских литераторов содержится в сравнении его со «свирелью» («Российский Вертер» М. В. Сушкова).⁶

Появляясь на фоне зарисовки с натуры, народная музыка сообщает ей особую поэтичность. Без звуков свирели, без чуть слышных в вечернем спокойном воздухе удаленных голосов образы природы утратили бы немалую часть своей прелести. А вместе с этим потерял бы значительную долю привлекательности сельский быт, воспеваемый в повести, претерпела бы немалый урон тонкая художественная атмосфера рассказа.⁷

³ Львов П. Ю. Роза и Любим. С. 41; Детское чтение для сердца и разума. М., 1789. Ч. 18. С. 179; Приятное и полезное препровождение времени. М., 1795. Ч. 6. С. 309; Патриот. М., 1804. Февраль. С. 106.

⁴ Карамзин Н. М. Сочинения. 4-е изд. Т. 6. С. 183—184; Муравьев М. Н. Полн. собр. соч. СПб., 1819. Ч. 1. С. 97—98.

⁵ Карамзин Н. М. Сочинения. 4-е изд. Т. 6. С. 68.

⁶ Сушков М. В. Российский Вертер. СПб., 1801. С. 13.

⁷ Поэтизация обыденности является одним из важнейших принципов сентиментальной прозы. См.: Канунова Ф. З. Из истории русской повести: Историко-литературное значение повестей Н. М. Карамзина. Томск, 1967. С. 46—47.